

Народы Кавказа и их освободительные войны против русских (1823 – 1831 годы)

Примечание. Данное произведение это, по сути дела, тайный доклад Ф.Боденштедта русскому царю, отражающий реальную картину происходивших тогда событий. Вполне объяснимо что доклад печатался в тайном придворном книжном издательстве Декера в 1855 году.

1. ВВЕДЕНИЕ

Нижеследующее описание не имеет ничего общего с прежним изображением отдельных эпизодов борьбы горских народов против России, а касается новейшей истории Кавказа с того периода, когда эта история приобретает по-настоящему историческое значение, т.е. когда возвышенный принцип объединяет и заставляет совместно действовать племена, которые ранее были разрозненными и предавались кровной мести и столкновениям на почве религии. Войны в Дагестане до объединения имели такой же характер, которые ныне носят войны черкесов на Кубани и на Черноморском побережье. Эти племена не составляют государственной общности, не подчиняются какому-нибудь общему вождю. Каждое племя само как может защищает себя от русских; во время большой опасности, правда, различные племена объединяются для совместного отпора, но их единение носит внешний характер. Как только минует опасность от единения не остается и следа.

Совсем иначе вот уже тридцать лет обстоят дела в Дагестане, где храбрые, вдохновенные священнослужители искали и нашли крепкие узы единения племен, раздробленных ранее в еще большей степени, чем племена в западной части Кавказа.

Ввиду того, что причины глубокой раздробленности и вражды между племенами крылись в основном в религиозных противоречиях шиитов и суннитов, а также в ставшей священной кровной мести, вывести народ из этого зла могла только новая, очищенная от всего лишнего, религия. Пока же племена раздирали стародавние религиозные распри и кровная месть, уносившая целые кланы, горцы уничтожали друг друга больше, чем их погибало в совместной борьбе против русских. Важнейшие положения нового вероучения – оно так же основывалось на Коране – должны были быть направлены на привлечение всех мусульман на отмену кровной мести. Однако народ не может менять свою веру как рубашку и оставлять, поддаваясь уговорам, обычаи и привычки, которые столетиями считались священными. Новую веру можно было довести до народа лишь как откровение свыше, а те, кто ее проповедовал, должны были стать носителями такого откровения.

Когда народ не верил людям, он должен был верить Богу; все зависело от священнослужителей, которые стояли между Богом и народом, им нужно было суметь передать народу свое собственное, лучшее убеждение как волю Всевышнего.

Выполнение подобного дела было бы невозможно, если бы они не считали себя настоящими посланниками Бога, и вдохновленные верой, не жертвовали всем ради этого.

Более того, все дело обращения в новую религию провалилось бы, если бы новое вероучение не было воистину чище и честнее старого, если бы оно не представляло собой шаг вперед к лучшему. Это – мое понимание вещей, моя точка зрения, исходя из которой я воспринимаю подобные явления в мире, в противоположность пониманию тех, кто находит во всем хитрость, обман и мошенничество. Эту точку зрения я выражаю ясно и определенно с тем, чтобы в дальнейшем избежать всяких недоразумений.

Первыми священнослужителями, о которых мы определенно знаем, что они, опираясь на Коран, проповедовали реформу ислама, направленную на искоренение кровной мести и примирение всех сект в Дагестане, были Мулла Мухаммад из ЯраГІ в Кюринском округе (Дагестан) и Хадис-Исмаил из Кюрдамира в провинции Ширван (Азербайджан – ред). Данные о жизни и деятельности этих обоих мужей, которыми мы располагаем, частично получены из официальных сообщений русских, но в основном из записей Хас-Мухаммада, ученика Мулла Мухаммада, и, наконец, из рукописи, составленной на русском языке и распространенной в Тифлисе во многих экземплярах, на которой базируются так же основные сведения последующих глав.

Автором этой рукописи является рано добившийся, благодаря своей высокой интеллигентности, высоких почестей и ставший сразу известным, благодаря геройству на Кавказе, как среди русских, так и черкесов, генерал Пасек, который безвременно ушел из жизни в 1845 году во время штурма Дарго...

То, что рассказано в следующей главе о Мулла Мухаммаде и Хадис-Исмаиле, в основном заимствованно из записей Хас-Мухаммада и пронизано исторической правдой (что заметит каждый рассудительный читатель), хотя и не обошлось без восточной фантазии. Эту примесь восточной фантастичности можно было бы полностью опустить, если бы она не служила существенным образом разъяснению тех религиозных противоречий, для понимания которых недостаточно лишь сухого перечисления фактов.

Читателю нужно познакомиться с такой далекой от него страной, нужно вдохнуть поэтический воздух Кавказа, только тогда он сможет понять и оценить исторические события, которые происходили на этой земле и в этой атмосфере. Следующая глава специально посвящена этой теме, и поэтому я поместил ее в самом начале моих записок о войне за веру в Дагестане.

2. ВИДЕНИЕ ХАДИС-ИСМАИЛА

ЯраГІ – это укрепленное местечко или, как его называют горские народы, аул, с каменными домами в Кюринском округе, цветущем и густо населенном уголке Дагестана. Жители занимаются преимущественно земледелием и скотоводством;

они известны так же с древнейших времен как искусные мастера по изготовлению оружия и кольчуг.

В то время, когда начинается наш рассказ (1823 год), ЯрагI пользовался еще и особой славой, так как в нем жил один из знаменитых улемов (ученых мудрецов – ред.) Дагестана умный и благородный Мулла Мухаммад, который наряду с обязанностями священника своего округа с достоинством занимал так же крайне доходную должность судьи-кадия.

Как было принято с древнейших времен, Мулла Мухаммад, кроме того, занимался еще и тем, что готовил из молодых талантливых людей улемов, а поскольку слава о его учености вышла далеко за пределы округа, то для жителей ЯрагIа не было ничего удивительного в том, что сюда приезжали паломники из далеких стран, чтобы получить уроки у мудрого муллы. Среди его учеников за последнее время особо выделялся молодой человек из Бухары по имени Хас-Мухаммад. Старый алим так полюбил любознательного, необычайно одаренного юношу, что он в течение семи лет содержал его как родного сына и преподавал ему.

По истечении семи лет Хас-Мухаммад принял решение вернуться в Бухару, в свой родной город, так как он уже продвинулся в изучении арабской и персидской литературы, что Мулла Мухаммад признал его алимом.

Своей приветливостью и скромным характером Хас-Мухаммад так полюбился всем жителям аула ЯрагI, что в день отъезда его перед домом кадия собралось множество людей, чтобы проводить отъезжающего. С благоговением прощался он с достопочтенным учителем и благодетелем, а тот напутствовал его золотыми словами из “Сада роз” Саади: “Самый худший среди людей тот ученый, который не приносит никакой пользы своей ученостью”.

Так он отправился из ЯрагIа через Кубу и через страну Ширван в благословенную Бухару. Почти круглый год прошел со времени отъезда Хас-Мухаммада. Как и в других Кюринских аулах, тем временем в ЯрагIе, многое изменилось. Среди жителей, которые до этого не принимали еще участия в военных действиях совместно с остальными народами Дагестана, все больше нарастала ненависть к русским. Распространялись слухи о жестокостях, которые проявили русские под руководством Мадатова в Кара-Кайгате, соседней маленькой стране, граничащей с территорией Дербента. Рассказывали о многих случаях жестокого обращения с женщинами, осквернениях молитвенных домов верующих и других злодеяниях, совершенных москвитями (русскими – ред.). Адиль-хан, владыка Кайтага, как говорили, был изгнан из своей страны и спасся благодаря тому, что он нашел убежище у Султана Аварии и живет теперь на его территории в нищете и бедности. Подобных историй рассказывалось великое множество, эти рассказы передавали из уст в уста, из аула в аул, чтобы еще ярче разжечь пламя ненависти горцев к неверным русским.

Мулле Мухаммаду не раз приходилось применять свое присутствие духа, чтобы успокоить вспыльчивых земляков. Однажды вечером он возвращается с бурного собрания, уставший от продолжительных речей и хочет зайти в свой гарем, чтобы перевести дух в кругу своих жен, как вдруг – кого же он видит!?! – из угла

саламлика (комната приветствия – ред.) появляется его ученик Хас-Мухаммад, которого он никак не ожидал увидеть здесь.

Из короткого объяснения Хас-Мухаммада он понял, что тот окольными путями проник в сад, а оттуда в дом, чтобы не привлекать внимание аульчан.

“Но скажи, во имя Хусейна! – спросил старик, - что вновь привело тебя к нам так скоро?”

“Я вовсе не добрался до Бухары”, - возразил Хас-Мухаммад и рассказал подробно обо всех событиях и происшествиях, которые приключились с ним после отъезда из ЯрагӀа. Чтобы не утомлять более читателя, мы повторим лишь самое главное из рассказа Хас-Мухаммада.

Во время своего путешествия по стране Ширвана один дервиш-паломник столько рассказывал ему о мудрости и свободомыслии алима по имени Хадис-Исмаил, живущего в ауле Кюрдамир, что бухарец решил посетить этот аул, чтобы выслушать перед дорогой некоторые мудрые наставления известного алима.

Однако при близком знакомстве с Хадис-Исмаилом, после бесед и занятий с ним, он так к нему привязался, что перенес на определенное время свое возвращение на родину и остался жить в доме своего нового учителя в течение целого года. Только здесь, сказал он, у него как будто пелена с глаз упала, здесь он впервые увидел, как ударила светящаяся молния из облаков учености; все его прежние познания показались ему плодородной почвой на поле его мышления, на котором теперь расцвел цветок познания.

“Не имея ни денег, ни добра, - так он заканчивает свою речь, - до сих пор, дорогой учитель, я не мог вознаградить тебя за твое обучение и твой преисполненный любви уход, поэтому я вернулся теперь в твой дом, чтобы дать тебе возможность черпать из источника мудрости Хадис-Исмаила, который до сих пор, оставался для тебя закрытым, для тебя, самого мудрого в странах Дагестана!”

Пораженный такой необычной речью, он просит Хас-Мухаммада открыть ему эти чудесные тайны; но тот отвечает своему учителю, что он не сможет без благословения алима из Кюрдамира посвятить его в это учение. Он предлагает ему поехать вместе в страну Ширван, где расположен аул Кюрдамир, место жительства Хадис-Исмаила, от благословения которого зависит посвящение в высокие таинства.

Мулла Мухаммад сразу же заявляет о своей готовности принять это предложение; он приглашает еще некоторых жаждущих знаний кюринских мулл, и вместе с ними и Хас-Мухаммадом отправляется в аул Кюрдамир в Ширване.

Хадис-Исмаил находился как раз в саду, когда кюринские гости остановились около его дома. Возглавляемое Хас-Мухаммадом, знавшим эту местность, это торжественное шествие приближалось к нему. Все с удивлением следили, как алим срубал молодые побеги и ветви тутового дерева: несказанное и грешное дело для любого мусульманина и тем более наказуемое в глазах мулл, ибо написано:

“Не должен познать благополучия тот, кто грешной рукой уничтожает молодые побеги, кто лишает деревья их ветвей и землю их ростков”.

Когда Хадис-Исмаил увидел своих гостей и заметил, что среди них был Хас-Мухаммад, он тотчас отправился им навстречу и, обратившись к Мулле Мухаммаду, как самому почтенному из них, сказал: “Я знаю ваши мысли и угадал ваше удивление. Вы удивляетесь тому, что я вырубая ветви тутовника? Я это делаю, чтобы кормить тутовых шелкопрядов, которые дают мне взамен свою драгоценную пряжу, единственное средство, которое служит для поддержания моей семьи. Это никому не причиняет вреда, и деревья не высыхают от этого, а зеленеют, как прежде, и плодоносят; но мне от этого огромная польза, и я считаю, что мы всегда действуем в духе Бога и его пророка, когда думаем о своей выгоде, но не причиняем при этом вреда другим”.

Хадис-Исмаил говорил эти слова медленно, с торжественностью в голосе; никто из присутствующих не осмелился что-либо ему возразить. Мулла Мухаммад подошел к новому своему другу и почтительно поцеловал ему руку, а все остальные последовали его примеру. Между тем вокруг сада собралась большая толпа людей; многие поспешили без всякого приглашения, как это принято в Дагестане, обслуживать гостей; ковры были устланы, подносили кофе, шербет, а почтенные паломники сидели и отдыхали.

Оживленные беседы, которые в течение дня вел мудрец из Кюрдамира с Мулла Мухаммадом, касались вопроса о том, что вера мусульман глубоко поколеблена и идет по неправильному, опасному пути, что добрые старые нравы покидают верующих, а на их место приходит ложь, кража, обман и обжорство, что при растущей жестокости людей не скоро можно ожидать улучшения, так как лишь немногие из них знают шариат, и при теперешнем состоянии дел священные предписания тариката станут им недоступными. Поэтому самой серьезной обязанностью грамотных мудрецов из народа является, по их мнению, всеми силами возвращать своих собратьев на праведный путь и готовить их к более высокому сознанию.

“Я сам, - сказал Хадис-Исмаил, - долгое время бродил в темноте и заблуждался; да, я был одним из глухих в нашей общине. Я думал, что, читая свои обычные молитвы, строго соблюдая ритуал омовения и проклиная сторонников Омара, я выполнял свой долг мусульманина. Но Аллах с помощью чуда открыл мне глаза, озарил меня светом Своей милости и очистил меня от грязи заблуждений. Во время долгой и тяжелой болезни, когда я был близок к смерти, я поклялся в случае выздоровления совершить паломничество на могилу Хусейна. И вот я выздоровел; ангел жизни одержал верх над ангелом смерти, и в добром настроении я отправился в путешествие.

Поразительные приключения во время этого путешествия являются ключом понимания моего нового учения. Но ты и твои спутники изнурились за день; я вижу как слуги разносят блюда, давай сядем и подкрепимся; после трапезы вы должны выслушать продолжение моего рассказа”.

Благочестивые муллы помыли руки, поскольку, как известно, на Востоке едят руками, и оказали честь, попробовав еду с богатого стола. После трапезы гостям

дали отдохнуть; затем снова подали кофе, после чего гости застыли в торжественном ожидании, когда Хадис-Исмаил заговорит.

А он, казалось, погрузился в свои мысли и вовсе не замечал присутствия гостей. Его голова была опущена, лицо как будто побледнело и глаза беспокойно смотрели по сторонам. Вдруг он как будто взял себя в руки, вытер пот со лба, поспешно выпил глоток кофе и начал медленно громким голосом рассказывать о своем паломничестве на могилу Хусейна.

“Это было в конце изнурительного жаркого дня, когда караван, с которым я путешествовал, остановился около фонтана, находившегося в тени. Я присел в тени орехового дерева, достал Коран из кармана и начал читать “Суру о пауке”, которая начинается словами: “Люди, вероятно, думают, что они достаточно сделали, когда они говорят: мы веруем! - не приводя других доказательств? Мы проверили так же тем, кто жил до них, чтобы узнать, правду ли они говорят или лгут”.

Меня передернуло, как будто эти слова больно задели меня. Я поднял глаза от священной книги к солнцу, заходящему при неопишуемой красоте, и подумал о значении того, что я читал. Я сидел погруженный в размышления, и вдруг в глазах у меня потемнело и я впал в глубокий сон. Во сне меня перенесли на большую поляну, полную цветов. Это была поляна, окруженная лесистыми горами, на вершинах которых, казалось, покоился свод небес. Цветы так красиво росли у моих ног, что я не осмеливался наступить на них, боясь их растоптать.

Итальянские сосны с темно-голубой кроной, тенистые пальмы и стройные кипарисы покачивали ветвями над моей головой. Благовонные запахи, слаще мир Бухары и Самарканда, слаще мускусов Хатана поднимались от земли и пьяняще распространялись вокруг меня подобно приятному дыханию гурий. Соловьи распевали свои песни в кустах роз, подобно огненным потокам серебра били ключом источники и, журча, текли по заросшим цветами долинам во все стороны. Мне казалось, что я перенесся в сады рая, которые пророк обещал своим верующим. Все новые и новые чудеса появлялись передо мной, куда бы я не бросал свой удивленный взгляд. Посреди долины стоял храм из ослепительного белого мрамора, обвитый темным плющом и пышными цветочными гирляндами. Прозрачная колонна поднималась от золотого купола мечети до небес, она испускала на землю такое огромное количество лучей, как будто своими золотыми руками они хотели приподнять всю землю. Во дворе мечети с шумом бил фонтан, а вокруг него на мягких коврах, сотканных так искусно, будто на них не ступала даже нога падишаха, сидели в блестящей одежде верующие из Ирака и Румели (Османская империя – ред.), одни в ослепительно белых тюрбанах, другие в черных мохнатых шапках. Зрелище это меня удивило. И забыв про всю красоту вокруг, я рассердился и сказал сам себе: “Как попали проклятые Богом сторонники Омара в райские сады – обитель благоверных? Разве мудрецы нашего народа не говорили, что огонь ада станет их домом в наказание за их неверие? Кто же их привел сюда?”

Находясь еще во власти сомнений и гнева, я увидел вдруг, как вдалеке поднялся столб дыма, небо покрылось тучами и горы ответили эхом от воинственных криков и барабанного боя. Тесными рядами спустились с гор отряды воинов, очень

похожих на тех богохульствующих неверных, которые захватили наши аулы, те же серые лица, тупые носы и лохматые волосы.

Те, кто сидел у фонтана, поднялись, отломили себе дубины от лавровых и финиковых деревьев, чтобы вооружиться против наступающих врагов. Однако малочисленные воины не могли оказать должного сопротивления бесчисленной толпе врагов, тогда они укрылись в мечети и оттуда с новой яростью продолжали борьбу. Ломая золотые купола и мраморные стены, они бросали обломки на горы наступающих врагов, пока не убили их всех до единого.

Велика была радость по поводу гибели врагов, но еще больший гнев обуревал меня из-за разрушения святыни, ибо храм Божий был превращен в развалины, а мраморные плиты его стали надгробными камнями для неверных. “Разве не лучше, - воскликнул я в ярости, - чтобы человек погиб прежде, чем его грешная рука дотронется до храма Божьего?!”

Тут мои глаза были ослеплены удивительным блеском; светящийся образ начал приближаться ко мне и крикнул мне:

“О, ты глупец, сбившийся с пути глупец! – воскликнул он. – Ты блуждаешь в темноте! Безумны твои мысли и грешны твои слова. Ты еще более закаменел, чем те неверные, что лежат там убитыми! Ты сразу же удивляешься и проклинаешь, когда видишь детей Румели вместе с верующими Ирака, но я говорю тебе, Бог не может быть несправедлив к своим слугам., он по своему усмотрению наказывает, кого он хочет, и поощряет кого он хочет. О Хадис-Исмаил! Неужели и ты принадлежишь к тем слепцам, которые придираются к каждому слову, не вникая в его смысл? Разве придет мир извне, когда наследники пророка сами преследуют друг друга? Вы призываете проклятье на видных представителей сунны, а сунниты шлют проклятье на ваши собственные головы. – Горе вам, горе, если бы Бог услышал ваши молитвы! Вечное проклятье стало бы вашей участью!

Я видел гнев в твоём сердце, когда сторонники Бога вырывали молодые деревья и ломали стены храма для уничтожения своих врагов, но воистину их деяния были лучше твоего гнева! Пусть скорее сгорят все леса и все храмы превратятся в развалины, чем один верующий станет жертвой его врагов; ибо из земли каждый день вырастают новые побеги, а храмы могут быть построены руками человека. Но храм веры в ваших сердцах является Божьим делом: кто уничтожает этот храм, тот уничтожает сам себя и издевается над Творцом, который создал его; если даже он располагал бы всеми богатствами земли, то не в силах был бы восстановить этот храм. Поэтому оставь свой глупый гнев и бери пример с того, что ты видел, о чем я тебе рассказал. Позор тебе и твоему народу, позор и горе до тех пор, пока вы находитесь в ловушке неверных! Позор вам, пока белокурые слуги Богов московитов (русских – ред.) оскверняют ваши храмы!

Воистину было бы лучше, если бы вы разрушили ваши храмы, чтобы под руинами закопать богохульников! Каждый камень, которым вы раздавите голову одного неверного, станет памятником, восхваляющим Аллаха! Лучше, чтобы верующий поднял руку для убийства, чем если он поставит свое ухо на искушение, ибо искушение хуже убийства.

Оставь, о Хадис-Исмаил, свое паломничество на могилу Хусейна и возвращайся к себе домой, чтобы сообщить мудрецам своего аула то, о чем я тебе рассказал. Совершение паломничества святое дело, но борьба за веру еще более свята. Каждый шаг, который совершает верующий против своих врагов, лучше паломничества на могилу Хусейна; каждое слово, которое произносит священник в поддержку поборников веры, лучше молитвы”.

Так закончил утомленный Хадис-Исмаил свой рассказ и снова погрузился в размышления, не заботясь о том, какое воздействие оказали его пламенные слова на присутствующих. Но они сидели молча, удивленные, и не знали, что с ними происходит. Казалось, какое-то волнение овладело всеми. Один провел рукой по бороде, будто надеясь найти в ней какую-нибудь мысль, другой нервными движениями постоянно поправлял свой толстый тюрбан, третий ударил трубкой об пол так сильно, что она раскололась, извергнув густое облако пепла – словом, благочестивых мулл охватило какое-то особое чувство. Казалось, каждый хотел, чтобы кто-то другой выразил волнение, охватившее всех.

Наконец Мулла Мухаммад прервал молчание и, обратившись к мудрецу из Кюрдамира, сказал: “Я понимаю тебя, Хадис-Исмаил! Твои слова дали ростки в моей душе. Сколько сил Аллах дал в моем возрасте этим рукам и красноречия этому языку, столько я посвящу великому делу, которое мы начнем”.

О пребывании улемов из ЯрагIа в Кюрдамире (Азербайджан), а также о том, как проходила беседа Хадис-Исмаила с гостями, рассказчик Хас-Мухаммад умалчивает. По всей вероятности, некоторые записи его утеряны, ибо следующая глава его повествования начинается снова в ЯрагIе, где Мулла Мухаммад предстает перед нами на своем поле деятельности.

Прежде чем продолжить наш рассказ далее, чтобы облегчить понимание всего происходившего, мы должны кратко остановиться на новом учении, которое проповедовалось в Дагестане. Инициатором его явился Хадис-Исмаил из Кюрдамира (Азербайджан), основано оно было Мулла Мухаммадом из ЯрагIа (Дагестан), а его последователи – Гази-Мухаммад, Хамзат-Бек и Шамиль распространили и укрепили его.

3. СУФИИ И МЮРИДЫ, ИЛИ СВЯЗЬ СУФИЗМА С НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНОЙ, СОЗДАННОЙ В ДАГЕСТАНЕ.

В нашем изложении неоднократно указывалось на то, какую роль в истории освободительных войн в Дагестане играл религиозный фактор. Религия в том виде, в каком ее приняли Гази-Мухаммад и Шамиль, приобрела в дальнейшем значение, благодаря которому принадлежит достойное место в истории. Религия стала огнем, от жара которого разнородные элементы, очистившись, слились воедино; стала раствором, который продолжительное время соединял раздробленные обычаями, верованиями и наследственной ненавистью племена Дагестана, стала в конечном итоге мощной пружинной, объединившей силы этих народов.

Странным образом этот свежий, привитый на одичавшее дерево ислама, росток до сих пор оставался вне поля зрения. Нам рассказывали много и по-разному о делах горских народов, не задумываясь о том зачаточном элементе, который положил начало этим делам, подобно тому, как случайный путник проходит мимо журчащего потока, не думая о высокогорном источнике, из которого он берет свое начало.

Все, что сообщают различные корреспонденты по поводу этого крайне важного религиозного движения в Дагестане, можно передать несколькими словами: Шамиль образовал новую общину, сторонников которой называют мюридами, и они для отличия носят белые шапки, в то время как шапки других борцов за свободу коричневого, голубого или желтого цвета. А что скрыто под этими белыми шапками, забыли отметить.

Мы попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел, сделав религиозный элемент, который находится в центре внимания движений в Дагестане, центром внимания в нашем описании.

До выступления Гази-Мухаммада большая часть Дагестана, которая сегодня восстала, была подчинена русским. Ермолов, вслед за Цициановым, был лучшим из полководцев, которые когда-либо противостояли горцам. Он сумел – то путем раскола веры, то разжиганием кровной мести, то раздуванием вражды между отдельными племенами – ловко использовать запутанное положение в Дагестане в интересах России и завоевал, как никто другой из его предшественников и последователей, авторитет среди горских народов.

С покоренными племенами он обращался с подкупающей мягкостью, а с враждебными, напротив, со строгостью, граничащей с жестокостью. Русский до мозга костей, восторгавшийся славой своего отчества, он считал святым любое средство, которое давало России преимущество. Он бросал факел раздора между вражескими племенами и поддерживал более слабых против более сильных, чтобы сделать первых обязанными, а последних подчинить. Никогда еще не жил победитель хуже на территории побежденных и никогда имя победителя не вызывало в памяти народа такого ужаса и одновременно почтения, как имя Ермолова у народов Кавказа.

В противоположность ему Гази-Мухаммад стоял в начале своей карьеры; след полководца России был той бороздой, в которую мюриды Дагестана бросали зерна новой веры.

Эта доктрина, которая, по-видимому, была лишь модифицированным в соответствии с потребностями исторического момента суфизмом, была предназначена для того, чтобы положить конец распрям и преодолеть религиозные разногласия, чтобы победить это чудовище – кровную месть и сплотить все народы Дагестана в их совместном устремлении.

Для обоснования нашего мнения о тесной связи суфизма с дагестанской доктриной мы приводим здесь отрывок из ранее упомянутого русского источника, который был предназначен для того, чтобы показать царскому правительству

важность религиозного момента в Дагестане. В переводе этот отрывок имеет следующее содержание:

“Дагестанские и чеченские философы полагают, что в человеке присутствует три четко различаемых элемента: физический, духовный и нравственный. Из этих трех элементов, которые все сообща способны оказывать воздействие одинаковой силы, физический занимает самое низкое место, однако, если духовный и нравственный от небрежного отношения ослабевают, этот элемент может выйти на первое место. Однако в результате нашего врожденного несовершенства физический элемент часто становится основным, поэтому для предупреждения возникающих из этого нежелательных последствий, люди договорились подчиняться законам, исходящим от своих лучших представителей и мудрецов с тем, чтобы так сдерживать свою силу в нужных рамках и наказывать за любые выходы за эти рамки. Этот свод законов мусульмане называют шариатом.

За физическим элементом следует духовный, который пробуждает и питает в человеке сознание, ум и обусловленные ими способности. Но и духовный элемент нуждается в обуздании и сдерживании, чтобы он не превратил человека в тирана; поэтому у мусульман есть другая книга, которая предписывает этому элементу, по какому пути ему идти, и которая на святом языке называется маа'рифатом.

И, наконец, нравственный элемент, третий и самый насыщенный, учит как бороться со страстями и как умерить их, и ведет таким образом человека, очищая и облагораживая его, к его высокому назначению. Все, что написано для облагораживания наших чувств, для канонизации наших мыслей, для расширения познания Всевышнего, короче, все, что ведет нас к совершенству, содержится в книге, которую мусульмане называют тарикатом”.

(В конце названного сочинения содержится следующее примечание): “В результате различного толкования учений Пророка (а.с.с.) исламскими философами рано сложились – как это вообще неизбежно в процессе развития любой религии – уже отделившиеся друг от друга секты или школы, и при этом не удалось избежать того, чтобы властолюбивые священники в политических целях не злоупотребляли бы верой Мухаммада (а.с.с.) Более всего это политическое влияние проявилось в толковании этики или тариката, который, хотя и базировался на Коране, был полностью преобразован и в этой новой форме раньше всего и больше всего приобрел влияние и силу у персидского народа. Под тарикатом в целом мы понимаем, таким образом смешанную с политическими взглядами этику мусульман, объявивших себя членами упомянутой общины.

Руководители новой школы назывались мюршидами, а их сторонники мюридами. Как огромно было влияние, которого добивалась духовная власть при помощи доктрины, мы видим на примере мюршида Муллы Мухаммада. Подобно тому, как он вначале опирался только на религию, а в дальнейшем, с укреплением светской власти, преследовал светские цели, так и названный в наших сообщениях мюршид Мулла Мухаммад долгое время предавался только религиозным постулатам, которые все же затем, особенно его последователями Гази-Мухаммадом и Хамзат-Беком, были использованы для политических нужд”.

Так пишет наш русский автор. Он описывает положение вещей, не понимая, как нам кажется, сути происходящего. Верное в своей основе, в подробностях же неполное и неточное, описание дает основание сделать вывод лишь о поверхностном знакомстве автора с предметом. В какой мере это описание верно, когда речь идет о мюридах Дагестана, нам трудно сказать с полной определенностью, ввиду того, что события здесь до сих пор еще не открылись нам как законченный, завершившийся процесс, а пребывают в стадии развития и зависят от различных обстоятельств. Мы можем назвать суфизм лишь источником, из которого черпали основные элементы своей новой доктрины Гази-Мухаммад и Шамиль, и в этом смысле нам позволительно остановиться на этом вопросе.

“Суфизм, - говорит Шмелдерс, в своем прекрасном произведении о философских школах арабов, - можно назвать не столько философской системой, сколько религиозной сектой; ни один мусульманин не считал его ни тем, и ни другим; суфизм, для которого может быть лучше всего подходит сравнение с каким-либо монастырским орденом, является в сущности ничем иным, как своего рода созерцательной жизнью.

Суфий считает, что Божественная правда непосредственно открывается человеку, который к ней стремится, когда он, отрешившись от мира и всех земных страстей, посвящает свою жизнь исключительно созерцанию. Но, поскольку этот вид созерцания сугубо индивидуален и связан с вещами, которые по природе своей находятся вне нашего кругозора и нашего языка, то становится понятным, что никогда из него не получится научной системы.

Арабы говорят о науке суфизма и написали большое количество книг ей посвященных, однако эти произведения содержат либо только предписания, которых нужно придерживаться, чтобы придти к созерцательной жизни, либо определения тех философских понятий, которые необходимы для созерцания высоких субстанций, либо, наконец, объяснение многих технических выражений, которые так часто встречаются в произведениях суфиев.

Когда утверждают, что суфизм образовался без всякой научной основы и что он может черпать силы, необходимые для его существования, из самого себя, без всякого влияния извне, то это вовсе не означает, что ему совершенно чуждо научное влияние. Все те философские и теологические элементы, которые с течением времени переплелись с этим учением, составляют, однако, лишь постоянно меняющуюся оболочку суфизма, в то время как ядро по своему первородному духу должно всегда оставаться неизменным”.

Чтобы читатель получил общее представление, ниже мы приводим перевод некоторых основных положений доктрин суфизма в том виде, как их составил Шмелдерс вслед за Толуком и де Саси:

“Конечная цель созерцательной жизни состоит в том, чтобы добиться откровения Бога, тесного соединения с Божеством... Это объединение является результатом высшего экстаза... Экстаз в его высшей степени вызывает в человеке полную апатию и бесчувственность; он уничтожает даже сознание собственного существования... Если человек доведен до этой степени, то он лишается даже

способности действовать и выполнять свои обязанности. Возникает так же безразличие к религии, ввиду того, что все заповеди закона исходят от Я и Ты, которые в экстатическом состоянии так же превращаются в ничто. “Кто не признает, что безразлично, мусульманин ты или христианин, тот еще не достиг правды и не знает настоящей сути” – утверждает Дабистан.

Знак откровения является уничтожением чувственного человека. “Каждый человек, - говорит Гюльженрас, - сердце которого не тревожат больше сомнения, знает с определенностью, что нет другого существа кроме Одного. Слово я подходит только Богу, так как Он является тайной, не доступной фантазии и мысли. В Боге нет никакого качества; в Его Божественном величии напрасно ищут Я, Мы, Ты и Он, это одно и то же, ибо в единстве не может быть различия. Каждое чувственно уничтоженное одновременно отделенное от самого себя существо слышит кроме собственного и этот голос и это эхо: “Я – Бог!” - ему присуще длительное, вечное существование, время не уничтожает его...”

Момент восхищения и обновленного им откровения суфисты называют халом. Это слово обозначает “состояние”; но его нельзя понимать в привычном нам значении, так как здесь оно должно обозначать нечто среднее между быть и не быть, не что находящееся между действительностью и абсолютным отрицанием ее.

Оттого, что суфий может путем отказа от всего чувственного, путем подавления всего, что его связывает с жизнью, отречься от всего земного, а также в результате экстаза добиться более высокого созерцания, то в это время он мертв для чувственной жизни; его плотский глаз закрыт и у него открывается внутреннее духовное зрение. Это кратковременное одухотворение, это совершенное, хотя и короткое, отделение души от тела, это парение между бытием и небытием является средним состоянием, которое суфии и называют халом...

В замысел нашей книги не входит исчерпывающее объяснение сущности суфизма, а приведенные здесь сведения необходимы лишь для того, чтобы подготовить читателя к чтению последующих глав. Надеемся, что читатель уже понял основную идею методики суфизма.

Вместе с тем, мы считаем необходимым дополнить наш рассказ о суфизме коротким описанием четырех ступеней духовного развития, которые должны пройти суфии согласно их учению, чтобы добиться высшего созерцания Божества. Это описание тем важнее для нас, что его содержание является источником, из которого воинствующие улемы Дагестана черпали свое вдохновение и свою новую доктрину. Степени духовного развития согласно учению суфиев:

Шариат – формальный закон и соблюдение всех его предписаний о молитве; налоге на милостыню (закат); посте; паломничестве; омовениях; сюда же входят предписания, регулирующие правовые отношения. Научная система всех этих предписаний называется ильм уль фикх (юриспруденция).

Если первая и научная ступень одинаково обязательна для всех мусульман, то для более утонченных натур, способных и нуждающихся в сближении с Божеством, согласно системе суфиев, открывается тропинка к совершенству: смысл тариката (путь, тропа) состоит в том, что человек, не ограничиваясь

соблюдением формальных церемоний, благодаря мощи своего духа и добродетели возвышается до духовного и обращенного вовнутрь себя благопочитания.

В результате дальнейшего погружения в природу и непосредственного познания сути вещей эта духовная сила поднимается к сверхъестественному познанию, к экстатическому созерцанию и ведет к третьей ступени, то есть к хак'ик'ату (истине).

Это состояние совершенствуется все больше и больше, пока человек наконец, не вступает в непосредственное реальное воссоединение с Богом. Это есть последняя и высшая ступень познания, которая называется маа'рифатом.

Состояние одной личности на этих четырех ступенях называется:

1. Ан-насут – человечность;
2. Мелкут – царство духов;
3. Джебрут – всесилие;
4. Лахут – Божество.

Элементами или типами этих состояний являются:

твердый, мясо, кость, мозг,

нос, язык, уши, глаза,

тело, дыхание, сознание, душа,

земля, вода, свет, огонь,

ночь, звезды, луна, солнце,

пароход, море, ракушка, жемчужина.

Для лучшего понимания возьмем в качестве примера последний символ. Это – конечная цель мюрида, истина, сравниваемая с жемчужиной, жемчужиной познания. Кто хочет найти жемчужину, должен сесть на корабль; корабль выходит в море, на дне моря лежит ракушка, в которую заключена драгоценная жемчужина.

Если принять к Шамилю и его подчиненным учение о четырех ступенях, которые нужно пройти людям, стремящимся к истине, то получается следующая картина:

На первой или низшей ступени находится наибольшее число людей. Здесь требуется узда, умелое высокое руководство. Здесь нужно придерживаться строгого соблюдения шариата или закона, так как при недостатке сознания внутренний голос не всегда повелевает необходимое.

Второе место занимают мюриды, которые являются лучшими представителями народа. Узда им больше не требуется; для них формальный закон излишен, ибо

каждый истинный мюрид, каждый, по-настоящему стремится к правде, добр, так как он знает, что только добродетель ведет к правде.

В самом себе он несет и свое вознаграждение и свое наказание. Он дает милостыню не потому, что шариат предписывает это, а потому что ему больно видеть, как бедные страдают. Он соблюдает чистоту не потому, что Коран требует этого, а потому, что чистота стала его потребностью, так как он знает, что только в чистом теле может жить чистая душа и т.п.

Третью ступень составляют наибы, наместники Шамиля. К ним в высшем смысле слова относится все сказанное ранее о мюридах.

На четвертой, высшей ступени, наконец, сам Шамиль. Он находится в непосредственной, реальной связи с Божеством. Его слова – Божьи слова, а его приказы – приказы Господа. Он – солнце, от которого получают свой свет наибы-месяцы, окруженные звездами, мюридами, которые освещают народу путь в ночи. И если Аллах давно не уничтожил с лица земли всех врагов Шамиля, врагов Света и Веры, то это Он делает только потому, что Он снисходителен и полон терпения.

4. МУЛЛА МУХАММАД, МЮРШИД ИЗ ЯРАГА И ЕГО ВОИНСТВУЮЩИЕ УЧЕНИКИ. АРСЛАН-ХАН. ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ.

После возвращения на родину кадий использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы посвятить земляков в свои планы. Цель этих планов, должно быть, давно угадал внимательный читатель. Мулла Мухаммад устраивал обеды и ужины, собирал горцев на встречи, предпринимал все возможное для того, чтобы привлечь людей и приумножить число своих сторонников. Его усилия приносили свои плоды, ибо окружение его увеличивалось изо дня в день с невиданной быстротой.

Однажды, когда перед его домом собралось много людей, Мулла Мухаммад обратился к ним с такими словами: “Я очень грешен перед Аллахом и Пророком. До сих пор я не понимал ни воли Аллаха, ни предсказаний Его посланника Мохаммада. По милости Всевышнего только сейчас у меня открылись глаза и я, наконец, вижу, как подобно сверкающим алмазам проходит мимо меня источник вечной правды. Все мои прошлые деяния лежат на моей душе как тяжелое бремя грехов. Я потреблял плоды вашего поля, я обогащался за счет вашего добра, но священнослужителю не пристало брать и десятой доли, а судья должен судить только за вознаграждение, которое обещал ему Аллах. Я не соблюдал этих заповедей и сейчас совесть обвиняет меня в грехах. Я хочу искупить свою вину, попросить прощения у Аллаха и у вас и вернуть вам все, что я брал ранее. Подходите сюда: все мое имущество должно стать вашим! Берите его и делите все между собой!”

Так поступил Мулла Мухаммад, кадий, но народ единодушно объявил, чтобы он сохранил и свой дом и свое имущество, и что суровая кара настигнет каждого, кто осмелится дотронуться до них.

А Мулла Мухаммад продолжал говорить с народом, который все стекался сюда: “Я не нашел бы лучшего времени и не смог бы создать лучшего настроения у вас, чем сейчас, чтобы объявить вам святую истину законов нашего Пророка (а.с.с.). Мы живем сейчас так, что нас нельзя назвать ни мусульманами, ни христианами, ни идолопоклонниками. Но человек должен верить во что-то одно, единственное, то, что он признает лучших на земле, и это единственное, наше высшее добро, - есть вера наших отцов.

Первой заповедью этой веры всегда была Свобода. Ни один мусульманин не должен быть подданным или рабом, и меньше всего он должен жить в рабстве у чужих народов, которые вместо того, чтобы укреплять и распространять нашу религию, стремятся подавить ее.

Вторая заповедь похожа на первую, ибо одна не может существовать без другой. Эта заповедь провозглашает войну против неверных и неисполнения законов шариата.

Кто не придерживается Шариата и никогда не воевал с мечом в руках против неверных, тому не видать тех благ, которые обещал нам Аллах через своего Пророка (а.с.с.).

Но кто воистину стремится исполнить требования Шариата, тот должен отказаться от всех земных благ, должен поставить на карту свое добро и жизнь во имя Аллаха, он должен оставить жену и детей, чтобы в любое время идти за Него в бой. Только так, полностью посвятив свою жизнь вечному Аллаху, он пройдет по тонкому как лезвие ножа мосту Сират и войдет в Рай, где его ждет вечное блаженство. Но пока на нас лежит чей-то гнет, будь то гнет верующих или неверных – все наши дела и мысли станут позором, ибо молитвы рабов не будут услышаны. Ибо они просят освобождения, но могут добиться силой того, о чем они молитвенно ропщут. Все ваши благодеяния по отношению к бедным, все молитвы, все паломничества в Мекку, все покаяния и жертвы – все ваши действия будут бесполезными, пока вы находитесь под бременем хотя бы одного москвитя (русского). Даже ваши браки будут недействительными, а святой Коран не принесет вам спасения, пока среди вас живут москвиты (русские). Как может служить Аллаху тот, кто сам служит русским? Ибо я еще раз говорю вам: Бог истинно верующих знает своих детей, Он следит за ними и наказывает по своему разумению, Испытания Его тяжки, а кара ужасна. Мужчины Ярага и Кюринских аулов! Послушайте, что я говорю! Неужели ради мимолетных земных благ вы откажитесь от небесного блаженства? Здесь дни наши сочтены, как часы одного дня; там, на небесах, наша жизнь становится вечной. Там – наша Родина, а здесь, на земле, мы чужаки, бродяги и странники, которые не знают своего пути, пока нас не поведет зов Пророка (а.с.с.).

Там, на небесах, каждому уготован свой дом, но не каждому в нем суждено жить. Черноглазые гурии с глазами, подобными солнцу, и руками, похожими на лебединые шеи, будут нам улыбаться, но не каждому они достанутся; из беломраморных колодцев там бьет вода, чистая как алмаз, но не каждый насладится ее свежестью. Под стройными кипарисами и густыми чинарами всегда царит прохлада, но не каждый отдохнет в их тени, ибо Пророк говорит: “Вы должны покинуть дом, жену и ребенка, чтобы распространить мое учение в мире,

чтобы ограничить власть неверных. Я за тех, кто пойдет за мной, и я обещаю им на том свете славу святых и счастье избранных”. Мужчины ЯрагIа и все, собравшиеся вокруг меня, идите и освободите свои души от духа рабства, который сковывает вас, идите в мечети и упадите перед лицом Всевышнего, рыдайте и молитесь в покаянии, не думайте ни о сне, ни о пище, и Аллах явит вам свою милость. Он поведет вас праведным путем и наделит вас силой для великого дела, которое вы призваны совершить. Аллах подаст мне сигнал, а я объявлю его вам. Будьте готовы проявить мужество, когда настанет час битвы. А пока плачьте и молитесь!”

После этих слов Мулла Мухаммад удалился в свой дом, где у него было приготовлено специальное место для омовения и молитв.

Весть о Мулле Мухаммаде и его учении со скоростью молнии облетела весь Дагестан; со всех сторон приходили паломники и любопытные в аул ЯрагI, чтобы увидеть кадия и услышать его слово. Все, кто восхищался им, учился у него или те, кого он благословлял, становились мюридами. Изю дня в день число сторонников нового учения росло: многие священники и верующие месяцами жили в ауле ЯрагI, чтобы поближе познакомиться с образом жизни Муллы Мухаммада. Кадий проводил время исключительно за чтением Корана, соблюдая пост и молясь. Видя его набожность в его словах и в делах, все почитали его как святого.

В 1824 году тайна нового учения стала очевидной. Мюриды из аула ЯрагI сделали себе деревянные пашки, которые носили как знак отличия; к тому же в углу своих комнат они вооружали своего рода деревянные алтари, к которым в течение дня они несколько раз подходили, ударяли по ним пашками и, обращаясь лицом к востоку, громко кричали: “Мусульмане! Война против неверных! Война против неверных! Ненависть и уничтожение гяуров!” Такие крики можно было слышать весь день на всех улицах, во всех общественных местах, везде, где появлялись мюриды.

Как огонь в лесу, из аула в аул распространялось это учение, и вскоре вся Кюринская округа находилась в состоянии возбуждения и смущения, которое обычно предшествует всенародному восстанию. Даже на севере Дагестана, где в это время находился генерал Ермолов со своими войсками, можно было услышать угрозы мюридов в адрес неверных. Генерал приказал прибыть в Кубу, во временную резиденцию, Арслан-Хану, Казикумухскому наместнику, чтобы обсудить с ним причины восстания и способы быстрейшего его подавления.

После этих переговоров Арслан-Хан отправился в аул Касумкент, куда так же были вызваны как Мулла Мухаммад, так и большинство мюридов, которые примкнули к новому учению. Арслан-Хан спросил Муллу Мухаммада о содержании его нового учения и упрекал его в том, что тот своим учением доставляет неприятности представителям народа, а также русскому правительству.

- Разве ты не знаешь, - продолжил он, - силу и власть русских войск? Ты понимаешь какое несчастье может свалиться на племена Дагестана из-за твоих бунтовщических планов?

- Конечно я понимаю, - отвечал Мулла Мухаммад, - что сила русских далеко превосходит нашу, но я также знаю, что Аллах намного сильнее, чем русский царь со своей силой, и мое дело – дело Аллаха, мои мысли поднимаются к Нему и приходят от Него: то, что я делаю, я делаю для Его прославления. Мы бродили в темноте, забыв об источнике правды; наши мысли греховны, а деяния кощунственны, факел, который Аллах сам зажег когда-то через своего Пророка (а.с.с.), чтобы осветить для нас темные переулки жизни, потух, здание веры превратилось в развалины, а между нами и святостью пролегла пропасть. Я пришел, чтобы заполнить эту пропасть и вновь построить храм веры, чтобы зажечь погасший факел и обратить блуждающий народ к правде, дать ему свет во имя Аллаха единого.

- Никто не будет мешать твоим устремлениям, - возразил Арслан-Хан, - но ты должен мне ответить, почему твои вооруженные мюриды ходят из аула в аул, прочесывают ущелья и леса, задерживают встречающих путников, почему, обращаясь на восток, издают дикие крики и призывают к борьбе против русских?

- Мои мюриды являются лишь слепыми орудиями Всевышнего. Хотя все они уже достигли высокого уровня сознания и следуя моему примеру, направляют свои мысли и дела на то, чтобы испытать все величие и величие Аллаха, а так же последовать Его воле, не обращая внимания на мнение людей, не боясь их наказаний, ибо они сами не знают, что творят. Они пребывают еще в состоянии фанатизма, который предшествует настоящему сознанию, и поэтому не виновны в том, что они совершают. Но мне кажется, что их действия достаточно явно показывают, что нам следует делать. А тебе, Арслан-Хан, я бы посоветовал отказаться от светских прихотей и честолюбия, и покориться Аллаху вместо того, чтобы повелевать людьми. На этом свете нет ничего святого или величественного, здесь мы только ищем путь, что ведет на тот свет, но мы никогда не найдем его, если не будем следовать заповедям тариката, который содержит святую волю Всевышнего.

- Я следую тарикату, - возразил Арслан-Хан, - как это предписывают святые книги.

- Ты ошибаешься, Хан, - возразил серьезным тоном Мулла Мухаммад – как можешь ты следовать тарикату верующих, в то время как сам являешься рабом неверных?

При этих словах темные облака гнева заволкли взор князя и он, вспыхнув, нанес удар кулаком в лицо кадия, а всем остальным муллам велел исполнить танец дервишей, что являлось самым большим оскорблением, которое можно было им нанести. Целый час Арслан-Хан находился в таком гневе, а муллы исполняли его приказ; но затем он успокоился и ему стало стыдно. Правда слов кадия задела его за живое, но ему не хватило сил сразу принять новое учение, а собственная корысть не позволяла ему пойти на тяжкие жертвы, которые были с ним связаны. Обратившись к Мулле Мухаммаду, он сказал:

- Прости меня за оскорбление, которое я тебе нанес в легкомысленной злобе, но исполни просьбу, которую я выскажу во имя твоего и моего блага: - прикажи

своим мюридам вести себя тихо и не призывать больше народ к возмущению. В противном случае русский наместник потребует, чтобы я привел тебя к нему и мне придется исполнить его волю. Я боюсь совершить тяжкий грех, передав такого большого алима, как ты, в руки неверных русских. Если же я встану полностью на вашу сторону, то русские заберут у меня мою землю и наследство, а меня прогонят из моего дома, с моей Родины.

- Оскорбление, которое ты мне нанес, - ответил Мулла Мухаммад, - простит тебе Аллах; что касается остального, мне кажется, что можно найти решение, которое послужит обоюдному благу. Если не можешь быть за нас, то не выступай и против нас; не хочешь разрешить своим подданным принять новое учение, - дай хотя бы остальным жителям Дагестана свободу в их вере и действиях. Будь для русских другом на словах, чтобы обезопасить себя и быть нам полезным. Скоро произойдет кровавая битва между нами и неверными, но твоей безопасности ничто не будет угрожать. Если мы победим, то мы защитим тебя и твою землю; если победа склонится на сторону врага, то они осыпят тебя, как старого кунака, почестями и наградами.

Арслан-Хан обещал следовать совету Муллы Мухаммада и расстался с кади как друг, выразив ему свою благосклонность и в знак доброго отношения сделав кади дорогие подарки; но на других мулл для видимости наложил легкое наказание. К генералу Ермолову Хан вернулся с заверениями, что ему удалось уладить все распри и восстановить спокойствие.

Вернувшись домой, Мулла Мухаммад выступил перед собравшимся народом с большой речью и строжайше запретил выкрикивать на улицах, бегать взад и вперед с шашками, сказав, что вскоре настанет час и их позовут в бой, тогда все и должны быть готовы, а до того времени ради осторожности необходимо держаться тихо.

Спустя несколько дней в аул прибыли представительные, до этого не знакомые жителям, гости: Гази-Мухаммад и шейх Шаабан из Аварии, мулла Хаджи Юсуф из аула Аксай на шамхальской территории, мулла Джелал-Эддин из страны Казикумухов, находившейся под властью Арслан-Хана и Шулли-Муллы-Хан-Мухаммад из Табасарана.

Мюршид Мулла Мухаммад сообщил своим гостям, что Кюринское ханство находится в руках русских, что в ауле Курах дислоцированы русские войска, что Арслан-Хан из боязни и по своей корысти не осмелился предпринимать ничего решительного против неверных, и что его страна вынуждена в данное время следовать примеру князя.

- Но ваш визит, - продолжил он далее, - уважаемые мюриды из Аварии и Табасарана, является для меня знаменем Всевышнего. Во имя Пророка (а.с.с.) приказываю вам: вернитесь на свою родину, соберите мужчин вашего племени, сообщите им мое учение и призовите их к борьбе, к Священной борьбе против проклятых москвитов (русских)! Угнетенные должны освободить себя, а свободные отвести от себя рабство! Я призываю вас обратиться к народу от моего имени. Если нас объединит вера в Аллаха и в заветы Его Пророка (а.с.с.), нам нечего бояться людей и их угроз. Для нас не может быть другого страха, чем

рабство и другого позора, чем стать добычей неверующих христианских собак. Итак смерть или победа! Здесь нас привлекает свобода, там – Рай; нужно сделать выбор; почему же мы медлим?

Боритесь и вы будете свободными, - умрите и Вы будете счастливы! Не кажется ли вам награда сладкой? Вашим первым желанием должна быть Свобода, а последним – ненависть против неверных! Ненависть и уничтожение. Пусть тела ваших убитых врагов будут ступенями, по которым вы поднимитесь к радостям Рая; ибо так говорит Пророк (а.с.с.): “Кто убьет одного неверного, имя его должно восхваляться, но кто умрет в борьбе за мою веру, тот будет возвеличен!”

Подождите еще немного и толпы наглых врагов наводнят наши аулы, как грозовые тучи; они уведут наших детей в рабство, опозорят наших девушек и сравняют наши дома с землей; наши священные храмы будут опустошены или переосвящены белокуроыми слугами богов москвитов, а Аллах будет смотреть вниз сердитым и карающим взглядом на своих подданных из-за позора, который вы Ему причинили. Он будет проклинать вас, рабство здесь и вечное проклятие там, на небесах, станет вашей участью!

Но я несправедлив к вам, храбрые мужи Дагестана, никогда не потерпите вы такого позора; я знаю, нет среди вас таких, кто бы боялся русских и их огромных ружей, таких, о ком когда-либо сказали, что враги видели вашу спину.

Меч - за меч и глаз - за глаз! Сколько бы ни было врагов, мы должны победить. Вы знаете наше древнее изречение: один мусульманин должен идти против десяти неверных; ибо вера делает сильным, а неверие – трусливым.

Теперь идите, вернитесь к своим племенам и передайте им то, что я вам сказал, говорите и действуйте в духе Того, кто поведал нам свои девяносто девять имен”.

С тех пор стало все оживленнее и беспокойнее в долинах и ущельях Дагестана; повсюду образовывались тайные общества по распространению нового учения и по формированию вооруженных отрядов мюридов; с напряженным ожиданием каждый ждал момента, когда раздастся призыв к битве, к великой борьбе за Свободу и за Ислам.

Генерал Ермолов, снова услышавший об этих событиях (1825 год), сразу же приказал Арслан-Хану удостовериться в личности виновника беспорядков Муллы Мухаммада и доставить его в Тифлис. Арслан-Хан в свою очередь приказал находящемуся на службе у русских Харун-Беку исполнить приказы генерала. Мулла Мухаммад без всякого сопротивления сдался. Он был доставлен в Курах, в штаб русских, откуда под усиленной охраной его намеревались доставить в Тифлис.

Но этот план сорвался из-за неожиданного побега кади. Была ли это его собственная хитрость, или же ему помогла охрана, остается загадкой. Кади ушел и нашел убежище в ущельях Табасарана, где его учение уже имело много сторонников. Та легкость, с которой он был схвачен и искусный побег кади наводят на мысль, что дело не обошлось без тайного вмешательства Арслан-Хана.

5. ОТЗЫВ ЕРМОЛОВА. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛОВ ГРЕКОВА И ЛИСАНЕВИЧА. ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ГАЗИ-МУХАММАДА.

В 1826 году, вскоре после нападения персов на русскую территорию, генерал Ермолов был, как известно, отозван с Кавказа, внимание его последователя Паскевича было отвлечено от Дагестана начавшимися после этого кровавыми войнами с персами, а позднее с турками.

При таких обстоятельствах учение Муллы Мухаммада легче могло здесь укрепиться и легче было вести подготовительную работу к всеобщему восстанию горских народов против русских. Мулла Мухаммад получил даже разрешение от Арслан-Хана свободно возвратиться в ЯрагI в свою семью.

Последним важным действием Ермолова был опустошительный поход против народов Чечни. Подбадриваемые мюридами Муллы Мухаммада, они нанесли русским много чувствительных потерь своими смелыми вылазками. Одна из этих вылазок дала особый повод для экспедиции Ермолова и была слишком примечательной, чтобы ее можно было обойти молчанием.

Группа чеченцев объединилась для того, чтобы штурмом взять важную, расположенную на линии крепость Амир-Хаджи-Юрт. Узнав от перебежчика об угрозе нападения на крепость, бригадный генерал Греков передал из крепости Вах-Чай, расположенной примерно в пятидесяти верстах, приказ коменданту Амир-Хаджи-Юрта сделать необходимые приготовления.

О том, последовал ли тот, видимо, слишком беззаботный комендант, приказу, сейчас умолчим; чеченцы же, которые, вероятно, получили известие о приказе генерала, вместо того, чтобы испугаться, попытались использовать это в свою пользу. В ночной тишине они пробрались через лес, расположенный рядом с Амир-Хаджи-Юртом, до стен крепости; один из чеченцев, знавший русский язык, крикнул часовому: "Открой ворота! Генерал идет с подкреплением".

Вскоре этот призыв был выполнен и уже через мгновение вся крепость заполнилась дикими сыновьями гор. Кровавая резня началась. Менее чем за четверть часа весь состав крепости был перебит до последнего человека, и знамя с полумесяцами развевалось над крепостью. Ни один русский не ушел от мстящих сабель чеченцев.

Генерал Греков, узнавший о смелой вылазке, посылает гонцов во все стороны, чтобы получить подкрепление; его бригада сразу же отправляется в путь. От Георгиевска к нему присоединяется генерал-лейтенант Лисаневич и образовавшаяся таким образом армия достигает в марш-броске захваченной крепости. Завязывается смертельная схватка. Чеченцы упорно защищаются до тех пор, пока не окончились запасы пороха; затем они бросаются из крепости с саблями в руках, пробиваясь с дикими криками по кровавому пути сквозь густой строй русских, и устремляются в лесные укрытия, никто из них не попадает в руки атакующего врага. Русские заходят в дымящиеся развалины Амир-Хаджи-Юрта по трупам своих братьев.

Войска так сильно перемешались и было так много воинов с ранениями и увечьями, что жаждущие мести полководцы не осмелились предпринять ничего решительного. После долгого колебания генерал Греков решил прибегнуть к переговорам, чтобы на время покончить с кровопролитием и подготовиться к новым сражениям.

Наконец, он призывает главарей и старейшин враждебных племен в крепость Вах-Чай.

Приходит около двухсот чеченцев во главе с муллой. Греков хочет открыть ворота крепости этим посланникам, но, вспоминая кровавые сцены Амир-Хаджи-Юрта, встревоженный генерал Лисаневич упорно возражает против этого и настаивает на том, чтобы впустить только муллу для ведения переговоров от имени всего народа.

Вскоре в доме, где собрались оба генерала со своим окружением, является бесстрашный чеченец.

- Почему твой народ, - начинает Греков свою речь, - нарушив соглашение, снова начал войну?

Потому что вы первыми нарушили договоры и потому что мой народ ненавидит тебя как своего угнетателя, - ответил мулла.

Молчи, изменник! – перебивает его рассерженный генерал, - разве ты не видишь, что тебя оставили твои слуги, и ты находишься в моих руках? Я велю связать тебя и вырвать твой лживый язык...

- Ах, так вы чествуете своего гостя? – кричит в ярости чеченец, и бросается на генерала и пронзает его своим кинжалом.

Присутствующие бросаются, обнажив шпаги, на муллу, раздаются крики, несколько человек становятся жертвой разъяренного чеченца, пока он сам не падает, пронзенный пулями и штыками. Среди убитых был так же генерал-лейтенант Лисаневич, один полковник и два других офицера были ранены.

Так в течение нескольких минут нашли смерть два храбрых русских генерала, не говоря уже о других убитых. Солдаты сорвали свой яростный гнев на окровавленном труп чеченца и растерзали его на куски, как это принято.

После этой неудачной операции русских Ермолов предпринял названную выше карательную экспедицию. Как только он получил известия о событиях в Амир-Хаджи-Юрте и Вах-Чае, он сам немедленно возглавил войска, грабя и сжигая все на своем пути, он проложил себе путь в Чечню, уничтожил большинство аулов, расположенных по берегам Аргуна и Сунжи, и покорил большую часть Чечни. Вскоре после этого он был отозван с Кавказа.

Между тем Гази-Мухаммад, подбадриваемый речами Муллы Мухаммада, стал его сторонником. Он применял после своего возвращения в Гимри все средства и силы, чтобы убедить земляков в правоте нового учения: то нередко выступая

перед народом, который в большом количестве собирался вокруг него, то посылая письменные требования к муллам и грамотным людям окрестностей. Одно из этих посланий, которым мы располагаем, заканчивается словами: “Есть евреи, христиане, язычники и другие народы на земле, все они служат своей вере и следуют своим законам. Только у нас нет ни веры, ни законов, или, точнее говоря, мы им не следуем, так как их не знаем. У христиан – свое Евангелие, у евреев – свой Талмуд, а у нас есть свой Священный Коран и Священный Шариат, но к нашему стыду, нам приходится признать, что мы не знаем ни того, ни другого. Жители Дагестана и вы вместе с ними подвержены всем порокам, обману, коварству, лжи и пьянству”.

И здесь следует повторение по смыслу приведенной выше речи Муллы Мухаммада, которая заканчивается призывом к борьбе, так как вера может процветать, по его мнению, на древе Свободы, а оно, однако, может вырасти лишь на крови врагов.

Из-за отсутствия места мы не можем вам передать все те многочисленные речи, которые находятся в наших записях, поэтому мы ограничимся лишь краткими сообщениями.

В своих устремлениях особенно усердно поддерживал Гази-Мухаммада его верный и красноречивый сторонник, молодой священнослужитель Шамиль. На своей родине оба они находили достойный прием себе и своему учению, и поэтому примерно через семь месяцев после их возвращения из ЯрагIа отправились в сопровождении многих других мюридов в богатый и могучий аул Чиркей, чтобы тут побудить народ к принятию нового учения.

При этом они пользовались теми же способами, о которых мы говорили выше: устраивали людям продолжительные головоломки, угрожали смертью и проклятьем и называли единственным средством к исцелению и блаженству объявленное ими учение, сутью которого были ненависть и борьба против неверующих. После первой долгой речи, которую произнес Гази-Мухаммад перед многочисленным народом, один из старейшин взял слово и обратился к нему:

- Проповедуй нам Шариат и учи нас соблюдать его святые предписания: мы подчиняемся твоей мудрости и обещаем, что попытаемся отказаться от обжорства, грабежа и всех других пороков, в которых ты нас упрекаешь, и которые действительно у нас есть, однако твоему требованию бороться против русских мы подчиниться не можем. Мы уже слишком много натерпелись от этих врагов, чтобы снова бросаться в еще большую беду. Русские держат самых благородных наших мужчин заложниками в Эндери, наши стада пасутся на русской территории, со всех сторон мы окружены врагами, а русские слишком сильны, так что все наши попытки сбросить их ярмо были бы тщетны.

- Это не противоречит нашему учению, - ответил Гази-Мухаммад, - то что вы отдаете заложников русским и то, что подчиняетесь им, пока их власть сильнее, чем наша; но придет время, когда другой, более могущественный государь Востока во славу Корана возьмется за меч против московитов, чтобы превратить их могущество в позор. Тогда двуглавый орел подожмет свои крылья, а полумесяц снова будет сверкать над аулами Дагестана.

Но когда пробьет этот час, вы должны подняться вместе на Священную войну и не склоняться в сторону неверных. А пока делайте то, что вы считаете правильным.

Черкейцы поклялись поступить так, как им было велено, поклялись строго соблюдать Шариат и начали с того, что сразу же в присутствии своих наставников вылили все имеющиеся запасы вина и разбили всю посуду для питья.

Воинствующие исламские миссионеры продолжили свои почтительные путешествия среди горцев и везде имели успех. Слава Гази-Мухаммада, которого народ считал посланным Богом пророком, вскоре так распространилась, что новый пророк получил в начале 1829 года послание от старого, уже давно находящегося в качестве генерал-лейтенанта на русской службе шамхала Мехти из Тарков, который думал посредством учения Гази-Мухаммада вернуть свой, подверженный всем порокам, народ к большой моральной чистоте. Гази-Мухаммад отправился сразу же в Пар-аул, - тогдашнюю резиденцию шамхала, имел с ним длительную беседу и получил от него разрешение проповедовать народу новое учение. Шамхал Мехти был известен с давних пор как верный сторонник русских, поэтому Гази-Мухаммад ради достижения своих целей и по договоренности со стариком оставил без изменения политическое направление своего учения с тем, чтобы, имея поддержку сверху, сильнее воздействовать на народ. Вскоре после этого, шамхал предпринял приветственное путешествие в Петербург и там умер, когда после короткого пребывания хотел вернуться на родину. Теперь Гази-Мухаммад получил полную свободу действий. За короткое время ему удалось, следуя примеру своего князя, привлечь на свою сторону оба преданных русским аула – Большое и Малое Казанище.

Несмотря на значительную поддержку, которую новый пророк получал везде, куда он приходил, постепенно у него начали появляться враги, особенно среди священников, которые неодобрительно отзываясь по поводу его толкований и произвольных дополнений к изначальному учению Корана, называли его за глаза хулителем Бога и пытались настроить против него народ. Недовольные особенно усердно действовали в аулах Эрпели и Каранай. Гази-Мухаммад, который слышал об этом, сразу же поспешил со своими сторонниками в эти аулы и вскоре сумел силой оружия и красноречием вновь привлечь на свою сторону их жителей. А чтобы быть более уверенным в их верности и на будущее, он брал самых признанных среди них заложниками и велел доставить их под верную охрану в Гимры. В это время в ауле Аракан жил старый учитель Гази-Мухаммада Сайид-Эффенди, старейший и самый умный имам Дагестана. Среди горского народа, а так же среди русских, этот старец пользовался одинаково высоким почетом. Сайид-Эффенди проверил учение нового пророка и отверг его. Вскоре этот отрицательный отзыв распространился среди народа, что отрицательно сказалось на стараниях Гази-Мухаммада и его последователей.

Последний, довольно хорошо осведомленный о большом влиянии, которое оказывал старый мудрец на свое окружение, искал средство, чтобы сделать его безвредным. Незаметно в ночное время он проникает со своими сторонниками в квартиру своего почтенного учителя. Едва Сайид-Эффенди успел покинуть свой дом, как увидел его объятым пламенем; все его тщательно собранные рукописи,

содержащие опыт и творение целого поколения людей, стали добычей огня; лишь одному Сайид-Эффенди удалось спастись и найти пристанище у Арслан-Хана.

После изгнания Сайид-Эффенди можно было не бояться более какого-либо противника или соперника, не приходилось даже быть особенно осторожным, проповедуя учение, как это было до этого. Он указывал колеблющимся жителям Аракана на случай с Сайидом и грозил уничтожить их дома огнем и мечом, если те не захотят принять новое учение. Так сельчане стали верующими сторонниками Гази-Мухаммада, который довольствовался их клятвами и обещаниями, а для большей надежности взял тридцать заложников как гарантию их верности.

После двадцатидневного пребывания в Аракане новый пророк со своими сторонниками продолжал паломничество в Унцукуль, а оттуда по аулам Койсубулинского общества, где еще не проповедовалось его учение. Повсюду он пользовался достойнейшим успехом, а где не помогали доброта и убеждение, приходилось пускаться в ход угрозы и штрафы. Так этот странный поход принимал все более и более воинственный характер; везде, где Гази-Мухаммад испытывал хоть малейшее сомнение в искренности настроений вновь обращаемых в веру, он приказывал брать любое количество заложников.

Уже большая часть Дагестана перешла на его сторону; жители Гумбета и Анди точно так же, как и все аварцы, дали ему клятву верности, только в Хунзахе его отряд встретил сопротивление, причем сначала именно в ауле Ахалчи, где находилась в это время наместница страны – Паху-Бике, мать молодого хана Абу-Нуцала.

Ханша Паху-Бике послала к Гази-Мухаммаду послов и просила его остаться за пределами границ ее страны; она передала, что обстоятельства требуют этого, хотя сама она питает к Гази-Мухаммаду самое большое уважение, что в подтверждение правдивости своих слов она готова послать ему одного из сыновей в качестве заложника.

Однако Гази-Мухаммад не принял предложенные условия и отправился со своим войском, состоящим в то время из 8 000 человек в Хунзах.

Жители города, которым не хватало сильного предводителя, не могли тогда надеяться на Абу-Нуцала, находившегося в детском возрасте. Застигнутые врасплох неожиданным натиском страшного отряда мюридов, они хотели сдаться без сопротивления, но тут переполненная возмущением Паху-Бике схватила меч и обратилась к народу: “Идите домой, вы, мужчины Хунзаха, мечи лучше отдайте своим женам, не подобает вам носить оружие!” Опозоренные, но ободренные примером своей предводительницы, они взялись за оружие и с яростью бросились на врагов, которые вскоре вынуждены были отступить перед числом и смелостью нападающих. Тут отличился молодой хан Абу-Нуцал, который нанес рану в голову Гази-Мухаммада.

Царь Николай наградил жителей Хунзаха почетным знаменем за проявленную ему верность, а ханше и ее сыну сделал богатые подарки.

Гази-Мухаммад, который после этой неудачи в Хунзахе много потерял в глазах народа, пытался переложить вину на своих сторонников, упрекая их в недостатке веры и страхе перед смертью. Тем не менее ему не удалось предотвратить того, что многие племена стали вновь отворачиваться от него, хотя в определенном смысле, это могло быть следствием того, что русские агенты раздавали подарки и обещания по всему Дагестану.

Поэтому, когда летом того же года генерал-лейтенант фон Розен двинул войска на Гимры, к нему подходили со всех аулов, расположенных вдоль Койсу, старейшины и почетные люди, чтобы от имени народа дать клятву верности России. Генерал, ошеломленный этим, не считал необходимым брать Гимры или оставлять здесь войска и отправился назад со своим войском без всяких операций. Гази-Мухаммад сумел использовать этот случай себе на пользу, что возможно только у верующих горцев.

Он собрал всех мулл и старост аулов, расположенных вдоль Койсу, и объявил им, что осуществилась воля Аллаха. Русские не отважились проникнуть в Гимры, хотя им добровольно и без боя были открыты все ворота, ибо Аллах ослепил их и они не увидели своего превосходства и исполнилось им сказанное через Пророка: “Я буду их бить слепотой!” Увидев, как внимают ему присутствующие, Гази-Мухаммад попытался объяснить свое поражение в Хунзахе, прибегнув к помощи Аллаха.

- Разве не знаете, вы, неверные, - продолжал он, - что тот, кто когда-то заставил луну, разделив ее пополам, пройти через рукав своего Пророка, и сегодня может совершить удивительные вещи с теми, кто его признает? Но Он наказывает малодушных и отворачивается от тех, кто сомневается, потому-то Он и заставил вас бежать от меча женщины на потеху мужчин Хунзаха! Кто увидел спину своих врагов, уже взобрался на одну ступеньку к небу, но кто показывает свою собственную спину врагам, на того умершие смотрят с ненавистью. И почему вы бежите? Потому что вы боитесь смерти? Смерть страшна только для тех, кто сомневается, и трусов, но для смелых и верующих – это вход в вечное блаженство! Так говорил нам Аллах через своего Пророка, и если вы ему верите, почему вы боитесь? Где сила – там победа, но где вера – там и сила!”

Посредством подобных речей Гази-Мухаммад, который, как немногие, понимал тонкости человеческой души, сумел так привлечь народ на свою сторону, что все отвернувшиеся от него племена снова возвратились к нему. Вскоре его слова подтвердились. Через послов и с помощью писем он созвал всех сторонников нового учения на большое собрание в леса, в районе, подвластном шамхалу. Всеобщее волнение, которое оно вызвало, дало русским повод бояться серьезных последствий. Поэтому князь Бекович-Черкасский был послан с отрядом, чтобы сорвать планы Гази-Мухаммада. Произошла кровавая стычка, из которой, несмотря на большую смелость русских, Гази-Мухаммад со своими мюридами вышел победителем. Князь Бекович был вынужден спасаться бегством. Эта победа еще больше упрочила уверенность мюридов и их предводитель сумел воспользоваться благоприятным моментом, чтобы подготовиться к еще более решительным шагам.

Во все села Дагестана он послал письма на арабском языке следующего содержания:

- Час избавления пришел, Аллах избрал его, чтобы объявить свою волю и призвать свой народ к борьбе против неверных. Было дано уже немало знаков и чудес для успокоения верующих и укрепления сомневающихся и малодушных. Огромная вражеская армия на виду у всего народа была парализована гневом Аллаха и вынуждена отступить без единого удара меча. Другую армию он (Гази-Мухаммад) уничтожил в лесах Чумгескена. Но еще большие усилия потребуются для того, чтобы завершить хорошо начатое дело; поэтому он зовет всех верующих на борьбу против неверных, чтобы очистить жемчужину свободы от паутины рабства. Далее говорилось: кто теперь не использует благоприятный момент, предоставленный самим Аллахом, к тому Он более не вернется и его участью станет рабство здесь, на земле, и вечное проклятие там, на небесах.

Этот призыв имел желанный успех. Постепенно мужественные жители Дагестана объединялись под победоносным знаменем Гази-Мухаммада. Одним из влиятельнейших из них был Ирази, племянник шамхала Тарковского и бывший правитель Казанища; его пример побудил многих чеченцев присоединиться к растущей день ото дня армии Гази-Мухаммада.

6. ТАРКУ И БУРНАЯ: - СЦЕНА БОЯ.

Тарку – это центр одноименной местности на побережье Каспийского моря, и большой город, расположенный террасами на склоне высокой горы. Невзрачные, плоские, по-азиатски грубо построенные из камня дома тянутся до подножья горы и выглядят почти как огромные, беспорядочно вырубленные в скале ступени. – Верхний ряд домов частично затенен огромными елями и дубами, которые имеют весьма живописный вид среди беспорядочно нагроможденных камней. – Пышная растительность обрамляет по бокам круто возвышающуюся гору, на вершине которой стоит построенная Ермоловым крепость с видом на море и сушу, называемая Бурная. Укрепление получила это название из-за частных и продолжительных штормов, которые нередко бушуют на вершине горы и наносят большие разрушения.

На эту неприступную крепость, властвующую над городом Тарку, уже давно зарился Гази-Мулла. Овладение Бурной и Тарку было следующей, самой большой и честолюбивой его целью; затем он намеревался завладеть Дербентом, а постепенно закрепить за собой и самые значительные пункты Каспийского побережья.

Мюршид начал свой достопамятный поход против Тарку в середине мая 1831 года. На расстоянии однодневного похода от города Гази-Мухаммаду пришлось вести жестокую битву в ущельях села Атлага (Атлыбуйон) с войсками генерал-майора фон Таубе, поспешно подтянутыми сюда. Мюриды одерживают блестящую победу, завоевывают село, а разбитому барону Таубе приходится бежать на прежнее место своей дислокации. Вряд ли нужно говорить о том, как вдохновили эти события воинов Гази-Мухаммада, которые уже ночью 26 мая победоносно вошли в Тарку. А затем в течение нескольких дней произошло множество убийств и кровопролитий, каких не знают даже жестокие анналы Кавказа. Попытаемся

привести лишь отдельные сцены этого жуткого зрелища. Бурная находится, как мы только что описали, на вершине отвесной горы, на склонах которой построен город Тарку. Узкая, закрытая стеной дорога ведет к единственному бьющему у подножья горы источнику, из которого воины берут себе воду. Примерно в середине пути возвышаются две защитные башни, а вплотную к ним примыкает пороховой погреб. После завоевания Тарку Гази-Мухаммад планировал завладеть прежде всего источником и пороховым погребом с тем, чтобы заставить врагов, находящихся в крепости, сдаться без применения оружия.

Русские, задача которых состояла в том, чтобы разрушить столь невыгодный для них план, сделали три отчаянные вылазки против горцев, которые с дикими криками рвались к источнику. Но всякий раз русские оттеснялись назад с большими потерями.

Несмотря на непрерывный огонь из крепости и град камней, уносивших в теснину идущих на штурм чеченцев, последним все же удалось за короткое время завладеть пороховым складом. Именно в тот момент, когда они делили между собой эту важную добычу, около них упала брошенная из крепости граната. Порох возгорелся и произошел взрыв, который заставил так содрогнуться город, гору, а так же находящуюся на ней крепость, как будто уже в следующее мгновение они полностью рассыпятся. Раздался такой страшный грохот, как будто вся земля трещала по всем швам, огромное пламя и клубы дыма, куски скал и разорванные трупы, взлетели в воздух, как после извержения огнедышащей горы. Тысячи воинов нашли тут свою смерть.

Казалось дрогнул под напором огня и склон горы, но сердце мужественного Гази-Мухаммада не дрогнуло. С новой силой он продолжил осаду; всю ночь длился жестокий огонь. На следующий день, когда в крепости все острее стал чувствоваться недостаток воды, осажденные предприняли последнее отчаянное сражение, чтобы овладеть источником. Кровь текла ручьями, но она не могла превратиться в воду; источник остался в руках чеченцев, а жаждущие солдаты после очередного поражения вынуждены были скрыться в пустых стенах крепости.

Ужасное было это зрелище, ужасен был и взрыв порохового погреба, но еще страшнее были вопли и стоны измученных жаждой людей и скота в крепости Бурная. Настал третий день и положение осажденных стало отчаянным; единственная надежда, которая еще поддерживала их дух, была связана с именем генерала Каханова, который должен был вот-вот подойти во главе многочисленного отряда. Несколько посланников, которым по счастливой случайности удалось уйти от чеченцев, передали генералу записку от коменданта, которая в нескольких словах описывала незавидное положение осажденных.

Все высоты вокруг Бурной уже находились в руках Гази-Мухаммада и он уже готовился взять укрепление штурмом, когда бой барабанов и гром пушек возвестил о приближении русских. Крепость была спасена, но понадобилось еще одно многодневное страшное сражение, пока врагу, имеющему большое численное превосходство, не удалось выбить Гази-Мухаммада из Тарку. Но когда русские входили в город, который уже наполовину превратился в руины, они обнаружили, что улицы были в буквальном смысле вымощены трупами.

После сражений за Тарку мужество горцев не убавилось, а только возросло. Они испытали свою силу на могущественном противнике и послушно шли за своим предводителем. После непродолжительного отдыха Гази-Мухаммад вновь отправился в путь, он прошел по окрестностям Тарку и покорил все аулы, расположенные по Сулаку. Захваченные племена он заставлял присоединяться к своему отряду, так что потери, понесенные при штурме Бурной, были быстро восстановлены. Между тем генерал Эммануэль собрал значительный войсковой отряд и дал Гази-Мухаммаду бой, из которого последний вышел победителем и с богатой добычей вернулся в леса Чумгескена.

Названные события произошли в августе 1831 года. В это время пошли слухи о новых враждебных действиях персов и русские войска поспешно оставили свои позиции в южном и среднем Дагестане и передислоцировались в Ширван, оставив на месте лишь несколько батальонов Дербентского гарнизона.

Гази-Мухаммад воспользовался этим благоприятным моментом. Он появляется со своим отрядом в горах Семса, на месте совместных встреч кайтагцев – жителей Великента и Маджалиса, все жившие в окрестности племена переходят на его сторону, только Ибрагим-Бек и управляемый им южный район Табасарана остается верным русскому царю, но скоро и его перетягивают на свою сторону войска Гази-Мухаммада и обращают их мечом в новую веру. Вскоре воинствующий мулла объявляет в тысячах записок призыв к народам Дагестана, в котором кроме всего прочего говорится: “Наш поход на земли враждебно настроенных народов можно сравнить с наступлением утренней зари жаркого дня: наш путь обогрится кровью, мы проложим его огнем и мечом, претворяя слово в дело. Следуйте нашему учению и благословение неба и земли снизойдет на вас. Ваша собственность останется в ваших руках и ваша безопасность гарантирована. Если же вы будете упорствовать, то знайте, что как только горы сбросят зимний покров, а весна оденет их в цветущий наряд, мы наводним ваши аулы своими войсками и заставим вас силой делать то, что вы не делаете по доброй воле. Пение соловьев в ваших лесах станет знаком начала нашей войны. Мы – защита и опора верующих, но мы – и ужас для неверных и сомневающих. Мы сильной рукой поможем нашим сторонникам и братьям, и тот, кто последует за нами, будет жить в мире и вечном блаженстве. Аминь!”

Еще осенью того же года Гази-Мухаммад направился с усиленным войском на Дербент и в течение восьми дней держал город в блокаде. Дербент бы пал, если бы генералу Каханову после сообщения об осаде не удалось в срочном порядке подтянуть войсковые части из Северного Дагестана, разорвать кольцо блокады и отбросить Гази-Мухаммада. Последний отправился в Северный Табасаран и разбил лагерь в аулах Гимейды и Дарваг, где в это время жила семья мюршида Муллы Мухаммада. Там Гази-Мухаммад женился на дочери мюршида и на время распустил свои войска, чтобы дать им немного отдохнуть, так как намеревался еще раз, причем, со стороны моря, осадить Дербент.

Затем Гази-Мухаммад и сам отправился на отдых вместе с Муллой Мухаммадом и его семьей в Гимры. Но такой человек не мог долго оставаться без дела: в том же году он предпринял военный поход против Кизляра (Кизляр был захвачен 1 ноября 1831 года. Наступление произошло среди бела дня. При этом было

захвачено множество пленных и большие суммы денег (Примеч. автора) и захватил город, несмотря на упорное сопротивление. Всюду исполнилось то, что он обещал: кровью был обогащен его путь, пепелище и опустошение оставлял он за собой. После взятия Кизляра Гази-Мухаммад снова собрал свои войска в лесах Чумгескена.

7. БИТВА ЗА ГИМРЫ. СМЕРТЬ ГАЗИ-МУХАММАДА.

Между тем генерал-майор Каханов был отозван со своего поста и его место занял полковник Миклашевский. Гази-Мухаммад, которого семейные дела побудили поехать в Гимры, передал командование на время своего отсутствия военному другу по оружию Хамзат-Беку. Храбрый Миклашевский, воспользовавшись отсутствием имама, внезапно напал на расположения Хамзат-Бека в Чумгескене, но поплатился за свою храбрость жизнью; его солдаты возбужденные смертью своего любимого предводителя дрались пока не прогнали противника. Это было последнее значительное сражение в 1831 году. Резко начавшаяся зима охладила на время воинственность борцов за веру и покрыла белым одеялом окрашенные кровью ущелья и горы Дагестана подобно тому, как появление почтенного, лишенного юношеского задора старца в шумном кругу детей сразу же заставляет их умолкнуть. Но едва улыбка весеннего солнца растопила снежный покров, как вместе с щебетом птиц началась военная суматоха в аулах мюридов.

На этот раз Гази-Мухаммад отправился со своими войсками на Кавказскую линию, где добился блестящих побед между городами Кизляр и Владикавказ. Все более страшные последствия для русских имели походы мюридов, поэтому генерал-адъютант фон Розен счел необходимым дать решительный бой. Он сам встал во главе русских войск и пошел, опустошая и грабя, по земле чеченцев, перешел через Сулак, взял крепость Мютлах (Гельбах?) и проник через Темир-Хан-Шуру к Гимры. В этом походе его сопровождали генерал-лейтенант Вельяминов, князь Дадияни и храбрый фон Клюгенау.

Гимры находятся напротив аула Эрпели, на крутой, кажущейся неприступной, скале у Койсу. Продвижение туда, особенно со стороны Чечни, связано с огромными трудностями: после того как перейдешь из аула Каранай через покрытый вечными снегами хребет, попадешь на узкую, вырубленную в скале тропинку, которая тянется на несколько верст вдоль крутых горных стен и глубоких ущелий, потом она соединяется с дорогой Эрпели и переходит в теснину, ведущую в Гимры, которая окружена тройной стеной. Шесть дней, с 11 по 17 октября, длился этот трудный поход. После ожесточенного боя русские завладели тесниной и скалами на той стороне, где Вельяминов установил тяжелую пушку и открыл страшный огонь по Гимры.

Войско Гази-Мухаммада было буквально наводнено толпами нападающего врага и уменьшалось с часу на час. Многие из тех, кто шел под знаменем Пророка, отступая, изменили ему и перешли на сторону русских. Даже Хамзат-Бек, который находился со своими воинами у аула Ирганай и на поддержку которого Гази-Мухаммад больше всего надеялся, отказался от него и такому примеру последовали другие помощники командиров. Здесь необходимо отметить, что

русские с давних пор усиленно проводили работу, чтобы принизить славу нового пророка среди народа и выставить его старания на смех. Так, среди прочего они распространяли написанные арабским языком и сочиненные в манере Гази-Мухаммада послания, которые должны были создать противоречивые настроения среди горцев, которые могли не догадаться об обмане. Сам Хамзат-Бек однажды был обманут подобным умело подделанным посланием.

Только его верный соратник Шамиль и самые храбрые воины из Гимры остались на стороне Гази-Мухаммада в час беды. Они осмелились противостоять необозримому русскому войску. О победе нечего было и думать, об этом знали все, а побег был невозможен. Ибо враги заняли все проходы и возвышения вокруг. Остался лишь один выбор: либо сдаться врагу, либо умереть в бою. Горстка героев выбрала последнее. Один отряд мюридов занял укрепленную стеной вышку, где они распевали молитвы из Корана, защищаясь с беспримерным упорством, пока не погибли под развалинами крепости после длившегося несколько часов ее обстрела русской артиллерией.

Утром 18 октября русские вошли в дымящиеся развалины Гимров, но им еще предстояло выстоять в страшной рукопашной схватке, которая неистовствовала в течение нескольких часов с неопишуемой жестокостью. Голые скалы Гимров, которые еще незадолго до этого сверкали золотом в утренних лучах солнца, окрасились теперь кровью убитых.

Гази-Мухаммад пал, окруженный шестидестью верными мюридами. И враги были свидетелями того, что все они погибли как храбрецы. Русские офицеры, которые присутствовали при этой бойне в Гимрах, до сих пор с восхищением рассказывают о хладнокровии, храбрости и предусмотрительности, которую проявил Гази-Мухаммад в пылу сражения.

И когда он, смертельно раненый, упал, так мало оставалось верных ему мюридов, что они даже не смогли вынести с поля боя тело убитого своего вождя. Яростно бросились они к нему через пули и штыки врагов и погибли все до единого. Шамиль упал рядом с Гази-Мухаммадом, пронзенный двумя пулями; его оставили там как убитого. Как он спасся, осталось такой же загадкой, как его исчезновение из скального гнезда Ахульго.

Русские нашли пробитый многими пулями труп Гази-Мухаммада в таком положении, что даже самые жестокие воины испытывали перед ним благоговение и страх. Левой рукой он держался за свою длинную красивую бороду, а высоко поднятой правой рукой указывал в небо. На лице его застыло выражение глубочайшего спокойствия и умиротворения, как будто он покинул этот мир не в жестоком сражении, а во время прекрасного сна. Когда Гази-Мухаммад увидел, что все пропало, он упал на колени и стал молиться, правой рукой указывая на восток, тогда и настигла его смертельная пуля.

Русские надеялись, что после взятия штурмом Гимры и смерти Кази-Муллы, они навсегда положили конец воинам в Дагестане. Обрадованный победой генерал фон Розен незамедлительно издал следующее обращение к народам Дагестана: «Справедливость и кара Господня настигла бунтаря и вольнодумца Кази Муллу. Он, благородные сторонники и большое количество обманутых им людей погибли.

Победоносное русское оружие захватило штурмом считавшиеся до сих пор непокоренными ущельями Гимры. Жители этого злодейского аула говорили, правда, что русские могут добраться до них только с дождем с небес, но они забыли в своем ослеплении, что и камни срываются со скал и что гром и молния уничтожают злодеев.

Пусть это будет примером для всех врагов спокойствия, пусть они покорно ищут поддержки у могущественного правительства России, и тогда они получат прощение от её благородного монарха. Но если в будущем еще кто либо вновь осмелится поддержать нарушителей спокойствия и сам нарушит покой, то его постигнет неминуемая кара. Ни в горах, ни в лесах, ни в ущельях, ни в теснинах он не найдет пристанища, предводителей и изменников везде наступят наши победоносные войска и они понесут наказание.

Судьба Галгая, чеченцев и многих других племен, и, наконец, участь жителей Гимры является для вас доказательством правдивости моих слов. Имеющие уши, да услышите и поймете».

Гази-Мухаммад погиб, но смерть героя имела для его врагов более губительные последствия, чем его появление на поле боя при жизни. Русские, злорадствуя, выставили его холодный труп напоказ, чтобы показать горцам, которые воевали прежде под его предводительством, что вместе с Гази-Мухаммадом умерла и их последняя надежда на свободу. Когда же предавшие Гази-Мухаммада увидели его в такой благоговейной позе, как мы уже выше описали, исчезли все их сомнения в праведности его учения и святости его дел на земле, ибо он скрепил свои слова кровью. Гази-Мухаммад погиб как герой, в битве против осквернителей его веры, рука указывала туда, куда он стремился при жизни, туда, где жили его свободные предки. Молитва звала его к борьбе, а борьба – к молитве, и все, пережившие его, почитали его как святого.

Смерть Гази-Мухаммада растопила сердца горцев, а на том месте, где недавно кипел жестокий бой, слышались стоны и причитания. Густой пороховой дым медленно рассеивался, поднимаясь белыми облаками к небу, в блеске восходящего солнца они парили в воздухе, как будто это были сами души убитых. Между тем внизу в вечерней мгле, виднелись ярко-красные скалы Гимры, похожие на кровожадных чудовищ.

Гази-Мухаммад умер и с его смертью закончился первый период религиозных войн в Дагестане.

Фридрих Боденштедт, 1855 год.